

Поэзия звука

Это было очень давно, в том царстве, в том государстве, где заснеженная улица Усиевича упиралась в зимний лес. Где под "Гастрономом" пьянчужки с интеллигентными лицами искали "Шипилова". (Кто вспомнит сейчас бедного советского функционера, ставшего первым саркастическим акцентом, поставленным "человеком с улицы" в восприятие советской действительности?) Там, где в уморительных очередях за сверхскромной снедью можно было встретить и поэта, и почитателя, и равнодушного, там же можно было ненароком столкнуться с полутрезвым щеголеватым Поэтом, собиравшим всегда стадионы обожателей.

"Идут белые снѣги, как по нитке скользя"... Строчку эту Анатолий Борисович Свенцицкий (декламатор, как говаривала его мама, народный артист Литвы, а потом и России) всегда читал с ударением на первом слоге — "идут белые снеги...". Архаизм, почти церковнославянское звучание, мгновенно включало временной механизм линейного, исторического времени, следования одного за другим, протяженности "от начала века" до сиюминутности, в которой скользили снѣги и "нитка" — жесткая, вещественная, гнетущая, противная — растворялась, расслаивалась, становилась невидимой в общем направлении скольжения, в вибрации звучания комариного, подсознательного "льзя".

А незатейливость, простота народной мудрости во второй строчке: "Жить да жить бы на свете, да, наверно, нельзя..." — с ее почесыванием затылка, с полупьяной ухмылкой собутыльника (мол, вон какой я умный, догадливый-то я какой!), доводит визг этого второго, усиленного "льзя" до крещендо, до осязаемого звука рвущейся завесы полотна метели, ткани холода земного, за которой скрыт потерянный рай и утраченное бессмертие. И только зуд от лязга замерзшей стали, обморочный взвизг не попад проснувшегося комара, оторопь догадки ("льзя!"), уводящей в чащобу праязыка.... И нить, раздражавшая тебя, исчезает.

Ты погружен в огромность, во вселенскую грусть, в сакральное знание всех религий, в стремление всего человечества к раскаянию. Величие поэта, способного простыми словами вызвать вихрь чувств, когда на неосознанном уровне включаются невидимые механизмы, и слезы сами струятся из твоих глаз, обволакивает тебя, подставляя братское плечо для рыдания.

Игра гениальности, способной простыми словами вызвать водоворот чувств, когда на неосознанном уровне включаются невидимые механизмы, материализуясь в зримые, реальные слезы, посверкивающие в уголках плаз слушателя, есть подтверждением диалектического закона сохранения энергии. Чужая чувствительность обволакивает тебя, подставляя братское плечо для рыдания. (Ах, как жаль, себя, подлеца, что не можешь жить вечно! А ведь, кажется, мог бы!)

Нет, не только о переходе, а глобально, о всеобщей трансформации, о той великой загадке поэзии. Загадке, для которой нет ни времени, ни расстояния. Когда время имеет только векторную направленность (в будущее), срабатывая подобно сжатой пружине, и даже тоньше, сходно квантовому переходу с его способностью изменять свойства материи. Когда ты чуешь манящую цель неким животным блоком, скрытым в тебе, а то, что будет водить, носить тебя кругами по буеракам да болотам, застилать внутренний взор постыдным маревом, отбрасывая и удаляя из реалий действительности, не имеет никакого значения. Ты в омуте, где звуковые свили и вихри еще первозданны, но вот мгновение — и

"то, как зверь, они завоют, то заплачут, как дитя..."

И ужас, только что пронизывавший тебя направленной вибрацией гласных, организован гением в бессмертную строку. И язык изложения здесь не имеет никакого значения!

Гийом Аполлинер зачерпнул из этого коловорота вязкость меланхолии, текущей под мостом Мирабо, где звук течения закругляется и смыкает в кольцо любовь и смерть, выводя Стикс на поверхность ленивым течением Сены...

Самое пророческое, ведовское камлание в свистящем звуке "с", словно Тарасов хрущ, виражом сквозь видения Антоныча, не выдавая своего присутствия, просвистело в "Осанне Осени" Лины Костенко гимном созревшему золоту народного сознания в пронзительной голубизне грядущего, задолго, за несколько десятилетий, озвучив его цвет грудными регистрами отчаянной поэтессы.

Ряд этот длится и длится, проскальзывая влажной тропинкой по всем поэтическим полям, приостанавливаясь, прислушиваясь к рокоту розы ветров перекрестка Борхеса, удирая от предрассветного гомона птичьих согласных туда, к осязаемой гармонии, к вечному солнцу Поэзии.

Похвала Лютеру

Изящного письма гусиный папский росчерк
пространства разума к станку склонял, и гибли,
и падали леса, друидские лысели рощи
в угоду шелесту листов печатных библий.

Шурши псалмом, латинскую пролистывая мессу,
упрямый братец Мартин Лютер,
в тьму паствы свесив реформацию с отвесом
готических, национальных литер!

Конец, конец приходит эре Гуттенберга, —
империи фантазии парящего пера
с литым, свинцовым основанием слова.
Ах, занесла ее словесная пурга!

Увы, мы очевидцы — чтение книг все реже...
Мы так уверовали во всезнание монитора,
и странно, что душа не дрогнула на скрежет
мышы, барахтающейся в виртуальном соре!

Открещивались бабушки: "Свят! Свят! Свят!",
Пикантное пролистывая чтение,
А я отмахиваюсь нынче: "Спам! Спам! Спам!".
Пожалуй, совпадают мнения!

И есть соблазн всемирного масштаба —
все напечатанное скирдовать в единый файл,
чтобы затем злодей, блаженный ли, растяпа
движеньем пальца вмиг поудалял.

Тень Лютера на плечи Микрософта
бросает виртуальное пространство...
Так ельники рождественские сохнут —
их души в жертву слову больше не согдятся.

* * *

Взошла луна, зависла над окном,
но странен, необычен стал наклон
ее над временем, теченьем дней,
где четче, где проявленной, ясней
библейская определенность — "время òно" —
в обыденном воскресла и знакомом.

В. К.

Не печалься, пичуга — подруга,
скроен крест в самый раз, по плечу,
отряхни все невзгоды — недуги,
и вперед, в небеса по лучу.

Круг за кругом под пристальным бденьем
сил пернатых и всех сил иных
воспаряй, хору вышнему внемля,
не скатись, получая под дых.

О, не счесть Божьей милости за день —
всякий раз, поднимаясь с колен,
постигаешь, что шанс тебе даден
миновать и приманку, и плен.

Щебечи, щебечи как подольше
О талантах, о судьбах, любви —
мы тобою в них вплётены тоже,
старики и старушки твои.

